

А. Н. Шмит. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

А. Н. Шмит. Максим Горький

На Большой Покровке, парадной улице Нижнего-Новгорода, темным комом, мышиним бегом катится Анна Николаевна Шмит, репортерша "Нижегородского Листка". Извозчики говорят друг другу: - Шмитиха бежит скандалы искать. И ласково предлагают: - Мамаша, - подвезти за гривенничек? Она торгуется, почему-то дает семь копеек. Везут ее и за семь, - извозчики и вообще все "простые" люди считают Анну Шмит "полоумной", блаженной, называют "мамашей", хотя она, кажется, "дева", они любят услужить ей даже - иногда - в ущерб своим интересам. С утра, целый день Анна Шмит бегаёт по различным городским учреждениям, собирая "хронику", надоедает расспросами "деятелям" города, а они отмахиваются от нее, как от пчелы или осы. Это порою заставляет ее употреблять приемы, которые она именует "американскими": однажды она уговорила сторожа запереть ее в шкаф и, сидя там, записала беседу земцев-консерваторов, - подвиг бескорыстный, ибо сведения, добытые ею, не могли быть напечатаны по условиям цензуры. Глядя на нее, трудно было поверить, что этот кроткий, благовоспитанный человек способен на такие смешные подвиги соглядатайства. Она - маленькая, мягкая, тихая, на ее лице, сильно измятом старостью, светло и ласково улыбаются сапфировые глазки, забавно вздрагивает остренький птичий нос. Руки у нее темные, точно утиные лапы, в тонких пальцах всегда нервно шевелится небольшой карандаш, - шестой палец. Она - зябкая, зимою надевает три и четыре шерстяных юбки, кутается в две шали, это придает ее фигурке шарообразную форму кочана капусты. Прибежав в редакцию, она где-нибудь в уголке спускает две-три юбки, показывая до колен ноги в толстых чулках крестьянской шерсти, сбрасывает шали и, пригладив волосы, садится за длинный стол, среди большой комнаты, усеянной рваной бумагой и старыми газетами, пропитанной жирным запахом типографской краски. Долго и молча пишет четким, мелким почерком и вдруг, точно ее невидимо толкнули, вздрогнув, быстрым движением вскидывает голову, оглядывается, как будто впервые и случайно нашла себя в этой комнате. Ее глаза строго синее, мятое лицо резко изменится, на нем выступают скулы, видимо она крепко сжала зубы. Так, оглядывая всех и все потемневшим взглядом, она сидит недвижимо минуту, две. Казалось, что в эти минуты Анна Шмит преодолевает припадок острого презрения ко всему, что шумело и суетилось вокруг нее, а один из сотрудников А. А. Яровицкий шептал мне:

- Анюту захлестнула волна инобытия... Многочисленные юбки Анны Шмит сильно потрепаны, ботинки в заплатках, кофточки простираны до дыр и не искусно заштопаны. Ее мать, больная старуха лет восьмидесяти, могла питаться только куриным бульоном, для нее необходимо было покупать ежедневно курицу, это стоило шестьдесят, восемьдесят копеек, т.-е. тридцать, сорок строк, а печатала Шмит, в среднем, не более шестидесяти строк. Говоря о матери, она становилась похожа на девочку-подростка, которая любит мать и считает ее высшим авторитетом во всех вопросах жизни. Было странно и трогательно слышать из уст старухи мягкое, детское слово - мама. Мне говорили, что эта мама старчески эгоистична и раздражительна; если курица оказывалась жестка или надоедала ей, старуха топала ногами на дочь и бросала в нее ложками, вилками, хлебом. Ко мне Анна Шмит относилась очень внимательно, но, не замечая в ней ничего интересного, я уклонялся от ее несколько назойливых вопросов, - они почти всегда касались интимных сторон жизни. Обычно же она говорила мало и почти всегда о "делах" города, газеты. В бесцветных речах ее я не мог уловить ни одного оригинального, меткого слова, которое навсегда всосалось бы в память, а я был очень лаком до таких слов, - они, точно лучики солнца, освещая темноту души ближнего, вдруг покажут какую-то неожиданную частицу ее и тем причастят тебя духу человека. Убогость внешнего облика Анны Шмит безнадежно подчеркивалась убожеством ее суждений о политике города и государства, и это давало право всем в редакции относиться к ней так же, как относились извозчики, - считать ее "блаженной", недоумком. Тем более сокрушительно изумлен был я, когда священник Ф., талантливый организатор публичных прений с бесчисленными сектантами Нижегородского края, сказал мне, неприязненно наморщив свой нос: - Хитрейшая старушонка эта ваша Шмит! Весьма искусный ловец человеков. Вредное существо. Не веря искренности изумления моего, иронически ухмыляясь он говорил в ответ на мои вопросы: - Будто не осведомлены? Трудновато допустить сие при наличии хорошо известного мне любопытства вашего в отношении к людям... Он страдал какой-то неизлечимой болезнью, его аскетически костлявое христоподобное лицо было обтянуто темной кожей, глаза лихорадочно сверкали, он часто облизывал губы бурым языком и нервозно ломал длинные пальцы, так что они трещали. В спорах с "еретиками" он

А. Н. Шмит. Максим Горький gorkiymaxim.ru

был ехиден, ловко пользовался искусством эристики и умел раздражать противников так, что они оплошностями своими всегда облегчали ему словесные победы. Мне очень нравилось наблюдать его фокусы, но казалось, что этот человек с лицом великомученика не любит ни Бога, ни веры, ни людей, жизнь опротивела ему, он ходит на прения, как ходил бы в трактир играть на бильярде, – он напоминал мне актера, который читает роль правоверного еврея в пьесе "Уриель Акоста". Похрустывая пальцами, он выпрашивал меня: – И того, якобы, не знаете, что эта Шмит находится в переписке с философом Владимиром Соловьевым, коего справедливо обвиняют в уклоне к ереси католической?

Я сказал: – Это так же неожиданно для меня, как если бы вы, отец Александр, оказались вдруг не священником, а пожарным. К вящему изумлению моему священник расхохотался и, сквозь смех, стал уличать меня: – Вот вы и проговорились! Ох, плохой дипломат вы! Значит – с учеником ее, пожарным Симаковым – знакомы? После настоятельных и даже сердитых заявлений моих, что я не знаю пожарного, священник, не скрывая недоверия своего, лениво рассказал мне, что Анна Шмит организовала религиозный кружок, способный развиться в секту, в кружке этом извозчики, мастеровые, какой-то тюремный надзиратель и пожарный. – Народ наш любит словесность и привержен к сказкам. Пожарный этот беспоповцем был, а ныне Шмитихин пламенный адепт. Но, по природе своей, дурак, он есть самый болтливый из прозелитов новой секты и, ежели вы желаете ознакомиться, как ерундословие старухи этой укладывается в мозгах простецов, вы с ним познакомьтесь. Он бывает на прениях у меня, рычит нелепо...

Лука Симаков, рядовой гренадерского полка, большой, грузный человек с черными, щеткой, усами и синим, гладко обритым черепом. Щеки у него тоже синие, а толстая нижняя губа цвета сырой говядины. Левый, темный глаз меньше правого и тревожно забегает к виску, особенно далеко в те минуты, когда Лука волнуется и жесткой ладонью, размером с небольшую лопату, крепко трет череп свой, трет так, что слышен треск волос. А правый глаз его, большой, выпуклый, почти неподвижен, тускл и, окруженный очень длинными ресницами, напоминает какое-то насекомое. В темненьком трактире, навалясь грудью на стол, он глухим голосом поучал меня: – По-твоему – как надо Христа понимать? Луку не надо было выпрашивать, слова лились из его рта, как ручей из трещины в камне. Он говорил с тем буйным напором верующего, который исключает возможность возражений. – Христос – это легость! "легостью" зовется тонкая веревка, с грузом на конце; ее матросы пароходов бросают на пристань, подчаливаясь к ней. – Не то-о! – с досадой сказал Лука. – Легость – легкость, понял? Христос легкость, с ним жить легко. Насчет чалки – это подходящее, – причаливай через Христа к истинной вере. Только ты пойми! – Христос – не естество и не существо, он просто одно слово... – Логос? Симаков удивленно вскричал: – Во-от! И еще подвинулся ко мне, спрашивая: – Откуда знаешь? Кто научил? Мамаша? какова старушка-то? – уже шопотом продолжал он. – Ведь – так себе, вроде нищей. Мы – наряжаемся, хвастаем, а она – святость, неприметна. И в мухе сокрыта премудрость... – А слово это ты никому не говори, – предупредил он меня. – Особенно, чтоб попы не слышали, – попам оно яд. Ежели они услышат это слово – тебе будет плохо! Потом он сообщил мне, как великую тайну, что Христос – жив, живет в Москве на Арбате. – Это все выдуманно попами, будто он на кресте помер, а после воскрес, вознесся, нет, – он на земле, около людей. Слово – не убьешь! Ну-ко, убей-ко – да? Вот я тебе говорю слово – да, а ты его убей! Понял? Часа два слушал я темные речи пожарного; уходя, он покровительственно обещал: – Ты погоди, я тебя сведу с самой мамашей! Она тебя обучит.

О моем знакомстве с пожарным Шмит узнала раньше, чем я успел сказать ей. Беспечно постукивая карандашиком по ногтям, она спрашивала: – Что говорил вам этот простец Божий? Узнав, что Лука рассказал мне о Христе, живущем в Москве, на Арбате, она еще более тревожно стала шаркать карандашом по ногтям, говоря: – Он – не совсем разумен, он несколько раз сильно угорал на пожарах, это очень отразилось на нем. Глаза ее потемнели и что-то суровое светилось в них, она плотно сжала губы, и маленькое личико ее огорченно сморщилось. – Если вы серьезно интересуетесь этими вопросами, – можно поговорить, я свободна в Троицын день... И тотчас же спросила, усмехаясь: – Но – ведь, вы из любопытства, от скуки? Да? Я сказал, что мне жить – не скучно и что желание знать, как думают люди, я бы не назвал простым любопытством. – Конечно – нет, конечно! – тихонько воскликнула Шмит, и вдруг вполголоса, складно, языком привычного оратора, быстро крутя карандаш темными пальцами мумии, она заговорила о том, как люди далеки друг другу, как мало у них желания и умения проникнуть в сокровенное души ближнего. – В мутном потоке жизни мы плаваем, немые, как рыбы: "Мир миру твою

А. Н. Шмит. Максим Горький gorkiymaxim.ru

даруй", молимся мы, но ведь мир – гармония душ, их всеобщая связь, а – как связаться с немой, непостижимой? Ее позвали в контору и, уходя, она ласково попросила: – А над Лукою вы не смеетесь, это – безумец Христов, такими строится истинная вера.

В Троицын день, вечером, она пришла ко мне, одетая празднично в коричневой юбке с заплатой на подоле, – кусок юбки был, очевидно, вырван гвоздем или зубами собаки; синюю сарпинковую кофточку украшал на груди голубой бант, а на ногах блестели новые калоши, хотя погода стояла сухая и жаркая. Оказалось, что Шмит отдала ботинки чинить, но сапожник не успел сделать это, и вот она гуляет в калошах. Мы пили чай с вишневым вареньем и сушками, – я узнал, что это любимое лакомство Анны Николаевны. А к полуночи я узнал, что старенькая, забавная репортерша провинциальной газеты, Анна Шмит – воплощение одной из жен-Мироносиц, кажется Марии Магдалины, которая, в свою очередь, была воплощением Софии, Вечной Премудрости. На расстоянии от Марии Магдалины до Анны Шмит Вечная Премудрость воплощалась, разумеется, не однажды, одним из ее воплощений была Екатерина Сиенская, другим – Елизавета Тюрингенская, был и еще ряд воплощений, уже не помню имен их. В начале речи Анны Шмит мне было несколько неловко слушать ее, – все, что говорила она, никак не объединялось с ежедневной курицей, резиновыми калошами и всем прочим во внешнем облике воплощения Вечной Премудрости. Я сидел, опустив голову, стараясь не видеть, как это воплощение, разламывая сушки, поддевая их рогульками липкие ягоды варенья, обсасывает их тонкими губами; смешно было слушать, как сушки хрустят на зубах. Но – предо мною сидел незнакомый мне человек, он говорил очень складно, красиво уснащал речь свою цитатами из творений отцов церкви, говорил о гностиках, о Василиде и Энойе; голос его звучал учительным и властно, синие зрачки глаз расширились и сияли так же ново для меня, как новы были многие мысли и слова. Постепенно все будничное и смешное в этом человеке исчезло, стало невидимо, и я хорошо помню радостное и гордое удивление, с которым наблюдал, как из-под внешней серенькой оболочки возникают, выбиваются огни мышления о зле жизни, о противоречии плоти и духа, как уверенно и твердо звучат древние слова искателей совершенной мудрости, непоколебимой истины. Об Анне Шмит напоминал только карандашик, неустанно и все быстрее вертевшийся в ее сухоньких, темных пальцах мумии. Она как будто немного охмелела, рисуя карандашом в воздухе капризный узор путей мысли, она подсакивала на стуле и, улыбаясь, с радостью говорила: – Вы представьте себе безысходный ужас Дьявола... На подбородке Анны Шмит блестела рубиновая капелька варенья. Подняв правую руку над головою, она сказала: – И Христос – жив есть! Я узнал, что Христос это – Владимир Соловьев, он же – Логос; Христос непрерывно воплощается в того или иного человека и вечно среди людей. Но воплощения Софии не подвергаются воздействию разрушительных влияний суетного мира сего с той легкостью, как воплощения Логоса, особенно враждебные Дьяволу. – Чистая духовность Логоса не претерпевает искажения, но человек, воплощающий в себе Логос, нередко затемняет ее черной мудростью Сатаны. Она вынула из кармана юбки кожаный пакетик, а из него осторожно достала несколько писем: – Это письма Соловьева, – вот, послушайте, как трудно ему... Многозначительно подчеркивая отдельные слова, она прочитала несколько отрывков; я ничего не понял в них, но в одном Соловьев цитировал слова Фридриха Великого, сказанные им на поле какой-то битвы солдатам своим, которые побежали от врага: – "Подлецы! Разве вы хотите жить вечно?" Слова это напомнили мне четверостишие Соловьева:

В лесу – болото,

В болоте – мох;

Родился кто-то,

Потом – издох. Вспомнил я и эпитафию его:

Под камнем сим лежит

Владимир Соловьев,

Сначала был пиит,

А после – философ.

Прохожий! Научись из этого примера,

А. Н. Шмит. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Сколько пагубна любовь и сколько полезна вера. Я спросил Шмит: что думает она об этих шутках? Она откинулась на спинку стула, ее острый носик покраснел, зрачки стали совершенно синими и в голосе ее мне послышался гнев; – Кто сказал вам, что это его, что это им написано? Нет, нет, это клевета! Это шутки его товарищей... Но вскоре серенькая старушка, похожая на самку воробья, говорила о человеке шумной славы, о философе, искуснейшем диалектике и талантливом поэте тоном матери, встревоженной поведением сына. – Вы знаете, – даже самого Христа Дьявол соблазнял славою земной. Эти слова она сказала как бы утешая кого-то и так вопросительно, почти умоляюще посмотрела на меня, что я счел нужным откликнуться ей: – О, да... – Он слишком тяготеет к людям, потому что добр. Но человек только тогда силен против соблазнов, когда умеет во всех окружениях оставаться самим собою. Христос тяготел к людям после того, как укрепил дух свой в пустыне, а Соловьев идет к ним преждевременно. Она именовала Соловьева хрустальным сосудом Логоса, святым Граалем, величайшим сыном века и – ребенком, который, плутая в темной чаще греха, порою забывает невесту, сестру и мать свою – Софию, Предвечную Мудрость. – Понимаете? Невесту и мать... Иногда мне казалось, что в словах Анны Шмит слышу я обиду влюбленной женщины, даже сентиментальность старой девы, но это мелькало в ее речах бледненькими искрами, тотчас же заменяясь покровительным отношением к Соловьеву, как человеку, которым надо руководить на путях жизни. Понизив голос, она рассказывала как тайну: – Его соблазняют люди, но еще более настойчиво – черти. Он знает это. В одном письме он пишет, что черти заглядывают в окна к нему, а один даже спрятался в сапог и всю ночь сидел там, дразнился, шумел... О чертях она говорила так же просто, как говорят о реальном: тараканах, комарах.

– И еще – слава; слава делает человека актером, – памятно сказала она. – Если на человека пристально смотрят, он начинает прятаться в различных выдумках, он хочет быть таким, как приятнее людям. Вы знаете это? Я, к сожалению, это знал. И все с большим трудом верил ушам и глазам своим, наблюдая, какие верные мысли горят в душе этого незаметного человечка. Она снова заговорила о пустыне, о великом значении самосозерцания и одиночества и говорила на эту тему так много, что, помню, у меня скользнула мысль: не слишком ли одинок этот человек и не потому ли он так откровенен со мною? Как маленькая птица, отбившись от стаи, она летит над морем к далекому в ночи огню, к маяку, на невидимый и неведомый берег. Этот маяк – Владимир Соловьев и это все, чем освещена и осмыслена ее тихая, одинокая жизнь среди здравомыслящих людей. – Разве Христос не испытал человеческого страха перед судьбою? – вдруг спросила она и тотчас, закрыв глаза, стала читать нараспев, как псалом, чьи-то стихи:

Душа во плоть с небес сошла,

Но ей земная жизнь мила,

Душа срастается с землею

И, как усталая пчела,

Пьет сладкий яд земного зла. Стихи были длинные, Анна Шмит читала их тихо, для себя, и только две последние строки выговорила громко, с торжественной угрозой, открыв влажные глаза и высоко взмахнув карандашом.

И вечности колокола

Души умершей не разбудят. Поздно за полночь я пошел провожать ее. По улицам шмыгал ветер, вздымая пыль, шелестя березками; березки были привязаны к тумбам, а некоторые уже валялись на земле. Бродили пьяные, где-то неистово закричала женщина, из подворотни выскочил черный котенок. Шмит брезгливо оттолкнула его ногою: – Точно чортик. К нам привязался пьяный почтальон, бестолково рассказывая о какой-то обиде, нанесенной ему, он стучал кулаком в грудь свою и спрашивал, всхлипывая: – Разве я ему – враг? – Идите скорее, – сказала Шмит и быстро шагая тоже пожаловалась: – Разве это праздник? Разве так надо праздновать?

После этого, встречая в редакции Анну Шмит, я стал ощущать непобедимую неловкость; я не мог относиться к ней, как относился раньше, не мог говорить о пустяках лениво текущих будней. Она же, видимо, иначе истолковав мою сдержанность, стала говорить со мною сухо и неохотно. Ее сапфировые глаза смотрели мимо меня на карту России, засиженную мухами так, как будто на всю русскую землю выпал черный град. Мне очень хотелось познакомиться с учениками

А. Н. Шмит. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Шмит, но она сказала: – Едва ли это интересно для вас, – простые люди, очень простые... А Лука Симаков, потирая череп, тревожно двигая косым глазом, сообщил мне: – Не понравился ты мамаше, не велела она мне говорить с тобой. Но минуты через две, прижимая меня, тяжким телом своим в угол казарменной клетки, где он жил, пожарный шептал: – Христос прячется от попов, попы его заарестовать хотят, они ему враги, конечно! А Христос скрылся под Москвой, на станции "Петушки". Скоро все будет известно царю, и вдвоем они неправду разворотят в трое суток! Каюк попам! Истребление! В нелепых словах Луки чуялось слепое озлобление сектанта и страх пред чем-то, чего он не мог выразить; неизбывный, темный страх этот сверкал в его левом глазу, все время забегавшем к виску. Из двух-трех бесед с ним я вынес впечатление почти жуткое: Христос чудился пожарному мстительным и мрачным существом, – оно враждебно присматривается к жизни людей откуда-то из темного угла и ждет минуты, чтоб выпрыгнуть оттуда. – Церкви разрушить хочет, – шептал мне пожарный. – Он с того начал, – помнишь, в Ерусалиме? Во-от... Все-таки он познакомил меня с одной ученицей Анны Шмит, портничихой-одиночкой, Палашей, девицей лет тридцати. Коротконогая, сутулая, без шеи, с плоским лицом и остренькими стеклянными глазками, она была фальшиво мягка на словах и, видимо, очень недоверчива к людям. Жила она в глухом переулке над оврагом, в ее двух комнатах неустанно гудели черные, большие мухи, звонко стучаясь в тусклые стекла окон. На подоконнике недвижимо сидел жирный кот, очень редкий – трех шерстей: рыжей, белой и черной; мен я очень удивило отношение кота к мухам: они садились на голову его, ползали по спине, – кот неподвижно смотрел в окно и ни разу не встряхнул шерстью, чтоб согнать мух. Нараспев, словами, неестественно и как бы нарочно искаженными, Палаша говорила, ловко пришивая пуговицы к пестрой батистовой кофточке: – Жисть наша, миленький мой господин, совсем безбожная и настолько грешная, что даже – ужась! А Христос невидимо коло ходит, печалуется, сокрушается: ох, вы людие бесчастное! И на что разделил я душеньку свою промеж вас? На поругание, на глумление... Потом она читала стихи из апокрифа "Сон Богородицы", а кончив неприятное унылое чтение, объявила мне: – Истинное имячко Богоматери не Мария, а Енохия, родом же она от пророка Еноха, который был не еврей, а грек. Когда я спросил ее: знает ли она Анну Николаевну Шмит, Палаша, наклонив голову, перекусывая нитку, ответила вопросом: – Шмит? Не русская, значит. – Но ведь вы знаете ее! – А – кому это известно? – спросила Палаша, почесывая мизинцем свой широкий нос и озабоченно разглядывая кофточку. – Ежели это вам Симаков сказал, – вы ему веры ни в чем не давайте, он человек испорченный, вроде безумного. Симаков говорил мне о Палаше: – Это, брат, девица мудрая, она вроде крыла мамаше служит, она да еще один человек высоко возносят ее над людьми... Я не сумел понять, как и что восприняла портниха от Анны Шмит; чем настойчивее расспрашивал я об этом, тем более многословно, и фальшиво Палаша говорила о Симакове, о кознях Дьявола. – Бросает нас злой дух, как мальчишка камни с горы, катимся мы, вертимся, бьем друг друга и не видать нам спасенья... Приглаживая ладонями рыжеватые волосы и без того гладко, туго наклеенные на череп, Палаша смотрела стеклянными глазками на меня, и взгляд ее говорил: – Ничего ты у меня не выпытаешь! Заходил я к ней еще два, она принимала меня ласково, охотно и даже сладострастно рассказывала мне жития великомучениц, я слушал и смотрел на кота. – И секли ее злодеи-римляне по белому телу, по атласным грудям каленым прутьем железным, и лилась, кипела ее кровушка, – выпевала Палаша. Мухи гудели. Кот равнодушен, неподвижен, в комнате пахнет кислой помадой... Вскоре, заболев, я уехал в Крым и с той поры не встречал больше Анну Шмит, Нижегородское воплощение Софии Премудрости.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!